

ties, 1400–1750 / ed. by E. Andor and I. G. Toth. – Budapest: Central European University, 2001.

- ¹¹ Наприклад, див.: Глинчикова С. Н. Раскол или срыв «русской Реформации»? / С. Н. Глинчикова. – М.: Культурная революция, 2008.
- ¹² «Католицизм, православие и европейская идентичность»: круглый стол (22 мая 2007 г.) / Центр Изучения Религии РГГУ; Центр украинистики и белорусистики МГУ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/RGGU_discussion.htm.
- ¹³ Плохій С. «Наливайкова віра»: козацтво та релігія в ранньомодерній Україні... – С. 27.
- ¹⁴ Малерб М. Религии человечества / М. Малерб; пер. с фр.; под ред. А..Л.Гуревич. – М.: Рудомино; СПб: Университетская книга, 1997. – С. 133.
- ¹⁵ Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 / В. А. Федоров. – М., 2003. – С. 248–253.

SUMMARY

Oksana Beznosova

The Confessionalisation theory as a researching paradigm of Christianity in the Russian empire

The article deals with the Confessionalisation theory by the modern German historiography as a researching paradigm of Christianity in the Modern Europe. Using it as a methodological base of studies on evolution of Christianity in the Russian empire was proved.

Keywords: Christianity, the Confessionalisation theory, confession, social disciplinarisation, the Russian empire, the Orthodox Church, the Lutheran Church, the Rome Catholic Church, Mennonites.

Валерий ДУРНОВЦЕВ

Религиозные мотивы в историософском и историографическом опытах решения проблемы «Россия и Запад»

Валерій ДУРНОВЦЕВ

Релігійні мотиви в історіософському і історіографічному досвіді вирішення проблеми «Росія і Захід»

*Розглядаються перипетії історіософської й історіографічної долі однієї з кардинальних проблем російської суспільно-історичної й політичної свідомості – «Росія і Захід» («Росія та Європа»). Особлива увага приділяється вивченню релігійних компонентів у численних версіях її вирішення, що пропонувалися російськими мислителями. Хронологічні рамки статті – від середньовічних уявлень російських книжників до історичних концепцій у російській науці 60–70-х рр. XIX ст.
Ключові слова: Росія, Європа, Захід, історія історичної науки, історіософія, християнство, православ'я.*

История русской историософии и историографии неразрывно связана с кардинальной проблемой национального общественного сознания «Россия и Европа», или «Россия и Запад»¹. Нередко она расширялась до триады «Восток – Россия – Запад», становилась частью великого и как будто неразрешимого противоречия «Запад – Восток». Понятие «Россия» часто прочно связывалось с представлениями об истории и культуре всех народов «славянского мира». Будучи перенесенным в религиозную плоскость, вопрос о России и Западе оценивался и как оппозиция греко-православного и романо-германского вероисповедания, и как обоснование принципиального духовного единства христианской цивилизации. Этнические и религиозные особенности исторического развития народов и государств европейского континента, а также пространственно-географические обстоятельства обусловили возникновение как в русской, так и во всеевропейской литературе понятий «Восточная Европа» и «Западная Европа»².

В. О. Ключевский назвал предмет спора «необыкновенно болезненным, нервным вопросом». «Ни о чем так много и горячо не толковали и не толкуют в печати и гостинной, ни из-за чего так часто не ссорились и не ссорятся, как из-за толков об отношении России к Западной Европе». Эта тема «всегда кажется своевременной и никогда не переставала быть безнадежной. Заводя речь об этом, всегда можно надеяться, что найдешь слушателей; кончая беседу об этом, никогда нельзя рассчитывать, чтобы кто-нибудь из слушателей остался доволен».

Бесчисленные попытки русских мыслителей решить проблему «Россия и Запад» отталкивались от исторического опыта, зафиксированного историографией, данных науки русской и

всеобщей истории. Результаты научного сравнительного изучения политических институтов, социально-экономического строя, явлений духовной культуры стимулировали историческое познание. Проблематика исторических занятий с течением времени изменялась и обогащалась, но вопрос о прошлом России в контексте истории остальной Европы неизменно оставался актуальным в научном и политическом отношениях. На поворотных пунктах мировой и российской истории он приобретал исключительную злободневность.

Ниже отдельные историософские и историографические аспекты судьбы проблемы «Россия и Запад» («Россия и Европа») рассматриваются в контексте отражения в них преимущественно религиозных мотивов и, что вполне естественно, в хронологически суженых рамках – от средневековья до 60–70-х гг. XIX в.

Столетия теологические и провиденциальные представления занимали господствующее место в объяснении и оценке места Руси (России) в окружающем мире. Ростки светской культуры медленно прорастали сквозь религиозную почву, подготавливая процесс секуляризации духовного мира человека, в дальнейшем сопровождавшийся не без серьезных издержек. Памятники древнерусской литературы, исторической мысли содержали элементы реалистического истолкования прошлого, основанные на личном опыте их авторов и составителей, логике человеческого разума. В оболочке реальной человеческой истории миф обретал черты подлинности, а явления и события прошлого, пройдя сквозь религиозное мировоззрение летописца, теряли свою обыденность, становились проявлением божественного предначертания. Но и тогда, когда русская мысль как будто окончательно вступила в период рационалистического истолкования событий, рецидивы теологической трактовки прошлого давали о себе знать. Зарождавшаяся наука не могла пока ответить сколько-нибудь удовлетворительно на вопросы о происхождении человеческого рода, отдельных народов, языка, обстоятельствах географического размещения обществ. Библия же и учения отцов Церкви давали на них четкие ответы, не допуская свойственных научному познанию сомнений. Священное Писание позволяло связать русскую историю с мировой, русский народ – с другими европейскими народами как равного среди равных по природе, происхождению и вероисповеданию. Вместе с тем, оно давало основания для

противопоставления христианских народов тем, кто пока придерживался иных верований. Исторический процесс распадался на дохристианский и христианский периоды и рассматривался как постепенное движение всех народов к христианству. Мысль о «богоизбранности» Руси означала первоначально связь русского народа с православным миром. На этом основании «избранная страна» противостояла язычеству, а затем монголо-татарам.

«Повесть временных лет» придерживалась христианской идеи единства человеческого рода. Но одновременно летописец выделил Русь из семьи человечества, обосновал идею единства Русской земли христианским вероучением. Исключительное значение придавалось доказательству древности славянских народов. Летописец начинал историю славянского мира от библейских времен, видел в славянах потомков Иафета, сына Ноя. Опираясь на тогдашние представления о делении мира на Ассийскую страну, Африкию и Европию, он ввел Русь в семью человечества, а затем отнес ее к европейским странам и народам.

Внутренние культурные потребности вели к органическому усвоению «иноземного» – Библии, византийских хроник. «Нам не следует опасаться признания огромной роли Византии в образовании славянской культуры, – писал Д. С. Лихачев. – Славянские народы не были провинциальными самоучками, ограниченными местными интересами и местными традициями. Через Византию и другие страны они дышали воздухом мировой культуры. Они развивали свою общую и местные культуры на гребне общеевропейского развития. Для своего времени их культуры в известной мере были итогами общеевропейского развития... Великим счастьем для славян было то, что сама византийская литература не была узконациональной, а в значительной мере многонациональной»³. Духовный мир русского человека изначально складывался в русле общечеловеческой традиции. Он не был замкнутым на самом себе. Идея «богоизбранности» имела своим источником христианство. Вместе с ним русские книжники осваивали и античное наследие. Этноцентрические представления стимулировали патриотические чувства. И то, и другое было явлением всемирно-исторического, универсального порядка.

Чувство причастности к семье человечества, сопряженное с осознанием единства Русской земли, оставалось неизменным в условиях раздробленности, перипетиях дальнейшей судьбы

территорий Киевской Руси. Его жизнестойкость в полной мере проявилась в период образования и укрепления Московского государства. Распространявшиеся исторические теории еще прочнее связали русскую историю со всемирной. Русь не противопоставлялась ни истории человечества в целом, ни отдельным регионам, исключая сферу «истинного», православного христианства. Но точно так же относилась к еретикам и «поганам» вся средневековая историография. Религиозная нетерпимость не знала национальных границ, или, во всяком случае, не они играли решающую роль в противопоставлении «мы» и «они» в сфере веры. Всеобщность этого явления позволяет судить о нем в историко-типологическом плане. Теория четырех царств (монархий), обязанная своим происхождением книге пророка Даниила, концепция «Москва – третий Рим», представления о происхождении династии великих князей от римского кесаря Августа вводили Московское государство в европейское прошлое, определяли его связи с библейской историей, античным миром, Киевской Русью. Интерпретация библейских данных позволяла уверенно утверждать о России как государстве всемирно-исторического масштаба, которое не только во всех отношениях не уступает другим, но и превосходит их, так как является едва ли не единственной наследницей славы и древнего Рима, и «нового» Рима – Константинополя, и противопоставит всему «латинству» как православная держава, которая «растет и молодеет и возвышается».

От середины XV в. идея «богоизбранности» приобрела новый смысл, в связи с важными событиями в политической и церковной истории – Флорентийской унией (1439), автокефалией Московской митрополии (1448), наконец, падением Константинополя (1453). Во второй половине XV в. речь шла, как отмечал А. Л. Гольдберг, «не о приравнивании России к другим странам (и прежде всего к многовековому оплоту православной церкви — Византии), а о противопоставлении Руси павшей греческой державе, равно как и о противопоставлении московской митрополии константинопольской патриархии, утратившей, по мнению большинства русского духовенства, свои иерархические права»⁴.

Концепция «Москва – третий Рим» вовсе не являлась чем-то неповторимым и присущим исключительно русской государственности и церковной истории. Как известно, на Балканах она символизировала славянское единство и имела антитурецкую

направленность. Идея «вечного Рима», с нею связанная, сочеталась не только в России с представлением об избранности того или иного христианского народа. В условиях образования Московского государства ей отводилась роль важного элемента политической идеологии. Послания инока Филофея, как и предшествовавшее им «Изложение пасхалии» митрополита Зосимы, не содержали претензий на мировое господство и лишены агрессивных черт. В значительной мере они имели защитительные функции, связанные с сомнениями в суверенитете Московского государства и его политического главы и попыткой на основе религиозного исторического опыта поддержать их авторитет.

Чувством национальной гордости была пронизана первая печатная книга по русской истории «Синописис» киевского происхождения (1674). Русский народ, утверждал ее автор, принадлежит по происхождению к европейским народам. Особенность Московского государства, по сравнению с другими европейскими странами, заключается в том, что под его властью находится не только часть народов, населяющих Европу, но и большая часть народов Азии. Обширность территории и древность народа служат доказательством величия государства.

В конце XVII в. исторической мысли становилось все труднее обосновывать почетное место России в окружающем ее мире на основании провиденциалистских представлений и соответствующим образом истолкованных библейских сообщений. Если в описании древности Священное Писание продолжало оставаться высшим авторитетом, то для оценки событий сравнительно недавнего прошлого имелись другие источники русского и иноземного происхождения. Развитие исторического знания приводило к убеждению, что история отечества, достойная яркого описания точно так же, как античная, пока изучена хуже, чем прошлое других европейских стран. Автор незавершенного исторического произведения, создаваемого в царствование Федора Алексеевича, от которого дошло предисловие, т. наз. «Учение историческое», необходимость создания принципиально нового труда объяснял славой русского народа и международным авторитетом Российского государства. Он настаивал на широком привлечении книг греческих, римских и польских авторов, посвященных происхождению славян, русского народа. Но русская история должна быть написана все же русским человеком. В XVIII –

первой половине XIX в. спор о том, может ли иностранный автор понять и по справедливости оценить события в истории государства, подданным которого он не является, приобрел особенную остроту. Истоки его обнаруживаются в «Учении историческом».

Во второй половине XVII в. было высказано и особое мнение о России и Европе. Принадлежит оно, впрочем, не русскому православному книжнику, а хорвату по национальности и католику по вероисповеданию Юрию Крижаничу. Многие положения его «Политики» резко диссонируют с устоявшимися в отечественной мысли представлениями о происхождении российской государственности и роли русского и других славянских народов во всемирной истории. Некоторые из них будут позднее созвучны идеям русских историков XIX в., рожденным независимо от Крижанича и, естественно, в иных исторических и научных условиях. В период расширения экономических, политических и культурных контактов России со странами Западной Европы концепции, утверждавшие наличие исторических связей между ними в далеком прошлом, внушавшие чувство национальной гордости русскому читателю, укреплявшие его в «истинности» православного вероисповедания, доказывали свою жизнеспособность. Но именно против них была направлена «Политика» Крижанича. Он подметил усиливающуюся ориентацию страны на Запад и противопоставил ей свою политическую программу, аргументировав соответствующими историческими примерами. Теория четырех монархий не устраивала Крижанича, так как в ней не нашлось места славянскому миру. Пересмотрено положение о Москве как наследнице славы Византии: Русь не нуждается в подкреплении своей древности ссылками на Запад или Восток (Византию). Исторически ей выпала роль быть независимой и реализовать идею славянского единства. Крижанич сформулировал антитезу России и славянского мира в целом как Востоку, так и Западу. В чужеземцах из Западной Европы он увидел угрозу будущему страны, а существенным недостатком русского человека считал его преклонение перед ними.

Первая четверть XVIII в. ознаменовалась выходом России на международную арену, превращением ее в великую европейскую державу. Расширение и углубление знаний об истории западно-европейских государств, овладение новейшими общественными теориями, преодоление провиденциальных воззрений приводили

к наблюдениям и выводам о соотношении русского и европейского прошлого, не лишенных известной точности и справедливости. Вопрос об исторических судьбах России в контексте общеевропейского развития приобрел большую политическую актуальность, стал содержательно богаче, теперь его решение предусматривало оценку результатов государственной политики, направленной на отказ от патриархальных устоев жизни и сближение с западноевропейской цивилизацией. Тема новой России мощно зазвучала в произведениях сторонников Петра I, деятелей «ученой дружины». Их выступления были подчинены пропаганде идеи абсолютной монархии. Они развивали в новых исторических условиях старые положения об исконности самодержавия в России. В обоснование монархии как идеальной формы правления был включен новый элемент — доказательство ее всеобщности. Отмечалось, что самодержавный строй естествен для России в силу обширности ее территории; республики возможны только в малых государствах. С особой гордостью давалась пространственно-географическая характеристика России в сравнении ее с Западной Европой. Приветствовалось усвоение иноземных достижений, но поставлен был и вопрос о границах заимствования чужого опыта, который впоследствии стал существенным компонентом проблемы «Россия и Запад». Впервые был признан факт технического и культурного отставания России. С именем Петра I связывалось выравнивание исторического развития на востоке и западе Европы. Активное изучение новейших социально-политических теорий привело преимущественно к творческому применению их к русским условиям, изложению в исторических трудах универсальных схем общественного развития. России как стране, принадлежащей к великим европейским державам благодаря героической истории, пограничному положению между Европой и Азией, международному престижу, в них отводилось почетное место. Родство с Европой объяснялось и известной общностью черт национального характера. «Отец русской истории» В. Н. Татищев вкладывал в понятия «Европа» и «Азия» пока только географический смысл. Но он учитывал очевидные различия в уровне развития народов каждого из континентов, указывал на факт движения человеческой цивилизации из Азии в Европу. Осознание исторических и географических особенностей России не привели его к мысли об особой

роли страны в истории человечества. Отмечая вклад Индии, Персии, Китая в мировую культуру, Татищев констатировал, что впоследствии на Востоке наступил застой и России следует перенимать, не роняя своего национального достоинства, опыт «цветущих» европейских государств, прежде всего Франции и Англии. Разновременность культурного развития историк видел в «прилежании» народов и каждого отдельного человека: «лень» порождает разницу в просвещении народов; естественно, что географические условия также играют заметную роль, но в конечном итоге являются второстепенными. Опыт истории тем и важен, что наглядно показывает плоды «прилежания» или их отсутствие.

В суждениях о России и Европе важное место по-прежнему занимало доказательство древности славянского мира, а следовательно, его равноправного положения на европейском континенте. «Начало всех едино» – такова принципиальная мысль Татищева. Убеждение в равенстве всех народов, объясняемом общностью их происхождения, а значит и древностью, в немалой степени способствовало тому, что патриотизм Татищева, его очевидные симпатии к отечественной истории совмещались с уважением к другим народам, включая и тех, кто в современный ему период не играет сколько-нибудь заметной роли в историческом движении и не придерживается христианской веры. По мнению М. В. Ломоносова, древность народов позволяет отнести их к тем, кто мог воспользоваться богатым наследством античного мира, что, в свою очередь, обуславливает их важную роль в мировой политике.

Во второй половине XVIII в. содержание исторической мысли значительно усложнилось и обогатилось. Вопрос о России и Европе вставал перед «писателями русской истории», когда они обращались к истории славянского этногенеза, задумывались над проблемами образования государственности на Руси, воссоздавали картину политической истории. Понятиям «Европа» и «Азия» стал придаваться не только географический, но и социально-политический и культурно-исторический смысл. Автор «Истории Российской от древнейших времен» М. М. Щербатов подразумевал под «Европой» культуру, образование, обычаи и нравы народов Западной Европы, ее историю и политический строй, полагая, что они обладали известным единством. Он проводил границу между

общим развитием Европы и Азии и населяющих их народов. Еще дальше прошли авторы (за ними скрывалась сама Екатерина II) «Антидота». «Европа» – это система государств и определенная общность народов, находящихся на высоком уровне политического, общественного, культурного развития, «Азия» – страны и народы, которым отказано в праве считаться цивилизованными. Центральный тезис «Антидота» совпадал с краеугольным положением «Наказа» Екатерины II – «Россия есть европейская держава», которая благодаря политике просвещенного абсолютизма процветает в системе европейских держав, не уступая ни в чем всем вместе и каждому в отдельности. Право считаться «жителями вселенной» принадлежит только народам Европы. Антитеза Европы Азии доходит в «Антидоте» до культурно-исторического противопоставления Европейской России азиатской ее части. Настаивали на принадлежности России к европейской цивилизации, т. е. в сущности единому христианскому миру, противопоставляя ее «дикости», и другие русские мыслители. «Мы — европейцы»⁵, – гордо заявлял И. Н. Болтин.

Идея о принадлежности России к Европе дополнялась указаниями на особенности национального развития. М. М. Щербатов писал о скачкообразности ее исторического движения. В основе его аргументации лежали два события: принятие христианства и петровские преобразования. Явно преувеличивая отсталость допетровской России, что предопределяло благоприятную оценку реформ, Щербатов не видел альтернативы заимствованию европейских достижений. Преобразования были неизбежны, источником творческого заимствования могла быть только Европа. В самом факте обращения к европейскому историческому опыту Щербатов не видел ничего необычного, исключительного, а тем более умаляющего национальное достоинство.

Вместе с тем, наметился и дифференцированный подход к европейской культуре. Подчеркивалось, что Россия в состоянии усвоить все, чем обладают западные соседи, однако следует принять на вооружение лишь то, что не противоречит коренным особенностям русского развития, национально-неповторимым чертам отечественного прошлого. Зародилась мысль об отрицательных моментах европеизации. Все чаще внимание обращалось к допетровской старине. В столкновениях борю-

щихся между собой группировок внутри господствующего класса спор о «древней» и «новой» России стал занимать немало-важное место. В частности он мог решаться и нередко решался в пользу «древней» России. Но только в частности, даже таких существенных, как указание на изменение к худшему нравов русского общества.

Переоценка исторической мыслью представлений об отношении России к западному историческому опыту началась под непосредственным воздействием революции во Франции. В «Опыте повествования о России» И. П. Елагин возложил историческую ответственность за революционные потрясения на Вольтера, Руссо и Д'Аламбера. В резкой форме и без каких-либо оговорок он отверг все, что когда бы то ни было писалось о России в Европе. Неприятие западноевропейской историографии России сопровождалось предложением сосредоточиться исключительно на изучении «славянского мира» и благодетельных последствий принятия православия⁶.

Тема России и Европы заняла важное место в исторической схеме Н. М. Карамзина. Категории «Европа» и «Азия» применяются в «Истории государства Российского» широко и систематически. «Азия» – это «колыбель всех народов». Славянские племена заселили часть европейской территории позднее других, что предопределило более явственное, чем во всей Европе, сохранение «азиатских» черт характера, поведения, обычаев, быта. Оседлость славян может служить признаком сложения европейского склада их жизни. Начальной формой общественного устройства славян было «народное правление». В этом они ничем не отличались от греков и древних германцев. Связь славянского мира с германским, положительная в начале русской истории, оказалась пагубной и дальнейшем: от германских народов Русь «заразилась» феодализмом. При Ярославе Мудром сравнение между востоком и западом европейского континента было в пользу Руси. Впоследствии «удельная система», заимствованная от германского мира, послужила причиной отставания Руси от Европы. В то время как европейским народам, благодаря крестовым походам, открылся Восток, когда ими осваивалось наследство античного мира, когда в Европе развивались науки, ремесла, мореплавание, искусство, создавались университеты, Русь страдала от раздробленности и междоусобных войн.

Представления Карамзина о первых веках русской истории в плане сравнения ее социально-экономического и культурного развития со странами Западной Европы имели отнюдь не только чисто историческое значение. Отрицательная характеристика периода феодальной раздробленности сопровождалась утверждением благодетельности единовластия в русской истории. В то же время это положение было предостережением о недопустимости безусловного подражания западным соседям. Именно они занесли чужеродный элемент в русское прошлое.

Новый этап русской истории Карамзин связал с постепенным восстановлением единовластия, а решающей силой сохранения духовной культуры, идеи национального единства русского народа считал православие. Мысль о спасительной силе православия служила существенным аргументом в обосновании тезиса о том, что источники, методы и средства как восстановления, так и величия русской государственности, в конечном итоге заключаются в исторически сложившихся национально-неповторимых ее особенностях.

Не исключая того, что на русском национальном характере лежит отпечаток монголо-татарского ига, Карамзин пришел к выводу, что все же в нем преобладают европейские, а не азиатские черты. Европейское слишком укрепилось в русской исторической жизни в период, предшествовавший «удельной системе» и монголо-татарскому нашествию. Они поколебали, но не могли изменить самих основ русской истории. Государственно-политическое и культурно-историческое единство с Европой, германским миром рассматривалось Карамзиным, наряду с другими факторами – православием и сохранением идеи самодержавия, важным условием сохранения национальной самобытности (разумеется, в том смысле, какой придавал ей историк) и залогом дальнейшего движения страны по пути, уже проложенному Западом, и в тесном взаимодействии с ним.

Отчетливо проявившейся в историческом сознании тенденции к «разрыву» с Западом как источником революционной «заразы» противостояла группа историков, объединившихся вокруг редактора журнала «Вестник Европы», позднее профессора, декана, наконец, ректора Московского университета М. Т. Каченовского. «Скептическая школа» потребовала тщательной критической проверки сведений, содержащихся в памятниках Древней Руси, и

усомнилась в общих представлениях о ее высокой культуре. Стремлению изучать русское прошлое как феноменальное, не имеющее аналогов в истории, «скептики» противопоставили убеждение в необходимости делать это только на фоне и только в связи с всемирно-историческим процессом. Сравнительно-исторический анализ, убеждали они, должен идти по линии «Россия – Запад», так как «Запад имел большее влияние на нашу историю, нежели Восток». Понятие «Европа» отличается единством народов и стран континента в религии, политике, общественной жизни. Задача состоит не в том, чтобы исследовать очевидные особенности русского национального развития, и не в том, чтобы сосредоточиться на поиске общего в истории России и Востока, но в определении исторических связей между Россией и Западной Европой, взаимных влияний между ними. Каченовскому эти связи, однако, представлялись, в общем, односторонними.

Творчество Н. А. Полевого лишний раз подтверждает факт исключительного внимания к истории, которым была напоена общественная и научная атмосфера в стране, пережившей патриотический подъем после Отечественной войны 1812 г. Автор «Истории русского народа» был убежден в том, что национальную историю должным образом понять можно только в том случае, если увидеть в ней часть истории человечества. Но такой подход обязывает исследователя быть в курсе того, что переживает историография и философия за пределами русской границы.

Какое место занимает в истории человечества, извечно разделенного на Восток и Запад, Россия? Отвечая на этот вопрос, Полевой решительно разделил русское историческое развитие на два неравных хронологических отрезка – до и после реформ первой четверти XVIII в. По местонахождению Россия в конце XVII в. принадлежала к Европе. Но, при всей важности природно-географического фактора, не он определяет принадлежность того или иного народа к европейскому или азиатскому миру. Определяющее значение имеют религия, философия, политика и искусство, а также взаимоотношения монархической и религиозной власти. Как и Запад, Россия есть государство христианское. Но ее культурно-историческое развитие и этнографические особенности населения дают основания судить о ней как об азиатской державе вплоть до конца XVII в. Ее история до Петра I развивалась в конечном итоге независимо от Европы и вне ее политики и культуры.

«Вещественность» определяла место России в Азии, состоянием своей «духовности» она отдалялась от Европы.

Образование древнерусской государственности Полевой связывал с варягами. Но это было не «призвание»: варяги покорили славянские племена, затем устремились в Византию, которая в религиозном плане способствовала образованию государства. Никакого влияния Запада на Русь не отмечено и она ему ничем не обязана. Так называемый варяжский феодализм противопоставляется западноевропейскому. Система уделов, образованная со времени Ярослава Мудрого, наследована от варяжского феодализма и в ходе исторического развития трансформировалась в единовластие, основу прочного государственного устройства. Какой бы то ни было ориентации на Запад не только не могло быть в русской истории данного периода, но само отсутствие ее оказалось благом и обеспечило мощь и силу России в исторической перспективе. Настороженное, если не враждебное отношение к Западу, с одной стороны, и почти полная неосведомленность Европы о востоке континента, с другой, были исторически прогрессивными явлениями.

Полевой полагал, что язык и религия стали могучим средством спасения идеи единства Русской земли. Сопrotивление нашествию – это всемирно-исторический акт борьбы «Европы и Азии, Духа и Вещественности, Природы и Человека, Русса и Монгола, Севера, посредника Европы Западной, и Востока, вспомоществуемого Югом Азии, двигавшегося на Запад - Мугаммеданства и Христианства...»⁷. Борьба между Востоком и Западом перенесена на религиозную почву. Европейская сущность Руси (России) проявилась как раз в условиях борьбы с монголо-татарами. Тогда же определилась всемирно-историческая миссия России, направленность ее исторического движения, наконец, великий смысл усвоения «византийского наследства»: внесение «особой стихии духа в Европу».

Но до конца XVII в. в России все же развивалась «вещественность». География страны препятствовала включению страны в орбиту европейской политики. Политический строй слишком походил на «азиатский образец». Невежество, борьба с «латинской ересью», доходившей до «изуверской ненависти ко всему новому и чужеземному» были безграничны. Новое европейское бытие России не только омолодило дряхлую европейскую цивилизацию, но и

обеспечило посредническую роль страны в отношениях между Востоком и Западом.

Особое место в историсофской и историографической судьбе проблемы «Россия и Запад» занимает широко известная теория официальной народности. Как известно, в «треххвостной» формуле «православие, самодержавие, народность» усматривались извечные начала русской истории, залог благоденствия и процветания страны. Исторической науке отводилась огромная роль в обосновании и пропаганде этих начал. На первый план было поставлено «узнание нашей народности» с консервативных позиций, противопоставление «своего» «чужеземному». Адепты «официальной народности» стремились воздвигнуть «умственные плотины», могущие отделить русскую общественную мысль от западно-европейских идей, усматривая в них причины «несчастий Европы» и событий 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. Антитезой России Западу официально стал придаваться политический смысл. Сущность ее заключается в различии отправных начал государственной жизни на востоке и западе европейского континента, в частности, «завоевания» на Западе и «призвания» на Руси. Это повлекло за собой якобы «совершенное своеобразие» всех сколько-нибудь примечательных явлений в отечественной истории. Тезис о невозможности революционных потрясений в «Святой Руси» был центральным. Перечень «отличий» России от Запада был длинным. В него попали и пространственно-географическая характеристика страны, и особенности национального характера, якобы отличавшегося исключительной терпеливостью и спокойствием, и принятие восточного варианта христианства, и даже отсутствие «гражданского образования».

До известной степени противопоставление России Западу являлось закономерным этапом в развитии науки, обогащенной открытием таких фактов и взаимосвязей между историческими явлениями, которые, на первый взгляд, не имели аналогов в прошлом других стран и народов. От факта исключительности национальной истории, ее непохожести ни на какую другую отправлялась в своих построениях и окрашенная в православно-христианские тона публицистика «первых славянофилов», деятельно занимавшихся поисками «особенных начал» в русском прошлом, и шокирующее первое Философское письмо П. Я. Чаадаева. «Один из величайших умственных успехов нашего

времени, – подчеркивал В. Г. Белинский, – в том и состоит, что мы, наконец, поняли, что у России была своя история, несколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основании ее же самой, а не на основании историй, ничего не имеющих общего с нею европейских народов»⁸. Но точно так же писал о русской истории идейный противник «неистового Виссариона» К. С. Аксаков: «Россия – земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны. Очень ошибутся те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения и на основании их судить о ней»⁹. Русская историческая мысль стремилась не столько к обнаружению повторяемости общественных явлений, сколько к фиксации неповторимых черт в исторической жизни народов. Творческое воображение занимал поиск не всемирно-исторического в национальном, но национального во всемирно-историческом.

Антитеза России Западу становилась сдерживающим фактором в обосновании европейского, буржуазного пути русского развития. Опыт ее преодоления связан с государственной школой в русской историографии.

Деятели государственной школы широко оперировали понятиями «Восток» (Азия) и «Запад» (Европа), в соответствии с традицией западноевропейской историографии противопоставляя страны и народы, охваченные этими понятиями, на всех уровнях их социально-политического и культурно-исторического развития. При этом Россия и весь славянский мир безусловно включались в число европейских государств и народов. С. М. Соловьев развивал тему извечной борьбы между Востоком и Западом, Европой и Азией, полагая, что Россия и весь славянский мир в этой борьбе стоят на стороне Запада. Чем дальше друг от друга разводились Восток и Запад, тем существеннее казались историку аргументы против противопоставления России Западу. Во имя ее развенчания была выдвинута антитеза Европы Азии.

«Государственники» (С. М. Соловьев, в первую очередь) считали важным доводом в пользу отнесения славянских народов к европейской цивилизации христианство. Его культура, мораль, этика роднят русский народ со всей остальной Европой и одновременно отделяют их от Востока. Во имя доказательства внутреннего единства славянского и германского миров деятели

государственной школы затушевывали вероисповедные различия в христианской религии, тогда как славянофилы и адепты «официальной народности» их, наоборот, подчеркивали, противопоставляя славянский православный мир романо-германскому, римско-католическому.

Историософская и историографическая судьба проблемы «Россия и Запад» не завершилась в 60–70-е XIX в. В дальнейшем она, напротив, приобрела особый социальный, политический, культурный, этнический смысл, существенно усложнилась в научно-содержательных аспектах. В частности, обострился дискуссионный вопрос о культурном наследии Киевской Руси (достояние ли это украинцев или «великороссов»), о содержании понятий «Русская земля», «Русь»¹⁰. Претерпели значительную эволюцию и ее религиозные компоненты.

Н. А. Бердяев отмечал, что темой Востока и Запада (России и Европы) наполнена вся духовная жизнь России XIX в. и она передалась веку XX как задача всемирно-исторического значения¹¹. Нынешнее столетие унаследовало эту задачу в куда более значительном, чем прежде, объеме. Не только распад Российской империи в начале, но и Советского государства в конце XX в. провоцировал переосмысление интеллектуальных решений проблемы «Россия и Запад», а также продемонстрировал их эпистемологическую обусловленность реальной политикой на всем европейском пространстве.

¹ В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1997.

² Masurek J. Dejeřisectví evropského východu. – Praha, 1946.

³ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. – Ленинград, 1973. – С. 35.

⁴ Гольдберг А. Л. К предыстории идеи «Москва – третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, Становление, Традиции. – М., 1976. – С. 114.

⁵ Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным... – Б. м., 1788. – Т. 2. – С. 464–465.

⁶ Елагин И. П. Опыт повествования о России. – М., 1803. – Т. 1. – С. XIII–XIV.

⁷ Полевой Н. А. История русского народа. – М., 1833. – Т. 5. – С. II.

⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. – М., 1956. – Т. 10. – С. 18.

⁹ Аксаков К. С. Полн. собр. соч. – М., 1861. – Т. 1. – С. 7.

¹⁰ Культура и общество Древней Руси (X–VII вв.): Зарубежная историография: Реферативный сб. – М., 1988. Ч. 2. – С. 79.

¹¹ Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. – М., 1928. – С. 28.

SUMMARY

Valeriy Durnovtsev

The religious motives in the historiosophical and historiographic experiences for the decided the problem «Russia and the West»

In article peripetias of historiosophical and historiographic destiny of one of cardinal problems of the Russian socio-historical and political consciousness – «Russia and the West» («Russia and Europe») are considered. The special attention is paid to studying of religious components in the numerous versions of its decision offered by the Russian thinkers. Chronological framework of article – from medieval representations of the Russian scribes to historical concepts in science of the Russian history of the 60-70th of the 19th century. Keywords: Russia, Europe, West, history of historical science, historiosophy, Christianity, Orthodoxy.

Кирилл СОЛОВЬЕВ

Проблема церковной унии в российской публицистике 1860-х годов

Кирило СОЛОВЬІОВ

Проблема церковної унії у російській публіцистиці 1860-х років

Аналізуються погляди російських вчених та публіцистів на проблему церковної унії в 1860-х рр. Виділяються як негативні, так і позитивні оцінки, пов'язані з намаганнями зміцнити російський вплив у Західному краї. Ключові слова: унія, оцінки, обряд, боротьба, Західний край.

1860-е гг. вписали одну из самых ярких и вместе с тем драматичных страниц в судьбы региона, в современной историографии все чаще называемого «западными окраинами Российской империи»¹, – Царства Польского, Украины, Белоруссии и Литвы. Именно тогда вспыхнуло январское восстание в Польше, пробудилось украинское национальное движение, активизировались отдельные белорусские и литовские деятели. Все это с